

МРНТИ 06.06.61:
УДК 332
JEL R-R1

<https://doi.org/10.46914/1562-2959-2024-1-1-99-114>

Л.Л. БОЖКО,*¹

к.э.н., доцент.

*e-mail: bogkoll@rii.kz

ORCID ID: 0000-0002-5368-1482

Г.Ж. СЕЙТХАМЗИНА,²

к.э.н., профессор.

e-mail: gau17erj@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1619-5212

С.С. ДЖУНУСОВА,¹

м.г.н., преподаватель.

e-mail: sabira2992@gmail.com

ORCID ID: 0009-0002-1981-6942

Д. ЧЕЛЕТТИ,³

PhD, профессор.

e-mail: david.celetti@unipd.it

ORCID ID: 0000-0003-0730-3875

¹Рудненский индустриальный университет,

г. Рудный, Казахстан

²Алматинский гуманитарно-экономический университет,

г. Алматы, Казахстан

³Падуанский университет,

г. Падуя, Италия

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ЦУР НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ОПЫТ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Аннотация

Цели устойчивого развития, принятые на Генеральной Ассамблее ООН 25 сентября 2015 г., охватывают широкий спектр проблем, с которыми сталкиваются как развивающиеся, так и развитые страны. Поэтому приобретает особую важность идентификация и обобщение национальных подходов к имплементации ЦУР на региональном уровне в двух постсоветских странах – Казахстане и России, для которых характерно наличие значительного государственного сектора, активное использование прямых административных методов регулирования экономики. Цель исследования – провести сравнительный анализ используемых подходов к имплементации ЦУР на уровне регионов. В ходе исследования предложены критерии для характеристики участия государства в процессах внедрения ЦУР на национальном и региональном уровнях, проведено сравнение подходов к институционализации ЦУР в рамках общегосударственной политики, сопоставлены содержательные приоритеты деятельности центральных правительств и региональных органов власти, выявлена специфика локализации и имплементации ЦУР на уровне регионов. В результате выявлены различия в используемых formal institutional practices and structures, выборе приоритетных для локализации и имплементации ЦУР, возможностях ресурсного обеспечения управленческих решений, принимаемых на общенациональном и региональном уровнях. С учетом того, что исследуемые страны находятся на начальном этапе процесса локализации и внедрения ЦУР на региональном уровне, разработанные рекомендации будут использованы для совершенствования работы в данном направлении.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, имплементация, общенациональный уровень, локализация, региональный уровень, институционализация, управление.

Введение

Основная особенность повестки в области устойчивого развития на период до 2030 г. заключается в том, что она может быть использована универсально с учетом региональной, национальной и местной специфики, возможностей, уровней развития и конкретных вызовов.

Имплементация ЦУР на региональном уровне – это инструмент реализации повестки в области устойчивого развития, базирующийся на комплексном подходе и требующий реализации ЦУР с учетом их тесной взаимосвязи. Именно комплексный подход обеспечивает единство и сбалансированность всех аспектов устойчивого развития [1].

Изучение странового опыта имплементации ЦУР на региональном уровне, исследование маркировки мероприятий и результатов программ и проектов, направленных на достижение ЦУР, показывает, что даже страны, являющиеся лидерами по внедрению ЦУР, занимают разные позиции. Для ряда государств работа по имплементации ЦУР на национальном уровне датируется 1997 г., а для других – началом 2000-х годов. Существенные различия наблюдаются и в маркировке мероприятий и результатов стратегических программ и проектов, направленных на достижение ЦУР, – от полного игнорирования данного процесса до локализации всех 17 ЦУР.

Причины этих различий во многом связаны с особенностями управления процессом внедрения, сложившимися моделями *governmental organization* [2]. Однако именно эти вопросы пока не стали предметом активных научных дискуссий. Пока наибольшее внимание уделяется вопросам институционализации ЦУР на национальном уровне, оценке эффективности управления конкретными проектами [3].

Вопросы моделирования устойчивого развития являются достаточно популярной темой в работах зарубежных авторов, развиваемой и учеными ближнего зарубежья: С. Гиббонс, Х.Г. Овермэн [4], Бади Х. Балтаги [5], Е. Марелли, М.Л. Паризи, М. Сигнорелли [6], Е.А. Гафарова [7], Д. Аверина, Т. Горшкова, Е. Синельникова-Мурылева [8], В.Н. Дьяченко [9], С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев, А.В. Кудров [10], В.С. Тикунов [11], Е.А. Пахомова [12], К.С. Харчева, Т.С. Шаркова [13], Е.В. Семерикова, Ф.Е. Каролео, Г. Каппола [14] О.А. Демидова [15], Е.В. Медведева [16] и др. При этом прикладные вопросы моделирования, отражающие особенности регионального развития, изучены недостаточно.

Для заполнения существующих содержательных лакун было проведено исследование моделей *governmental organization*, используемых в Республике Казахстан и Российской Федерации, для имплементации ЦУР на региональном уровне. Выбор для сравнения Казахстана и России обоснован высоким сходством параметров, характеризующих социально-экономические и политические процессы в данных странах. Обе страны имеют длительный опыт развития в условиях единого социалистического государства. Политическую систему обеих стран сегодня можно охарактеризовать как «посттоталитарный неоавторитаризм». Для таких режимов характерно наличие значительного государственного сектора, который активно взаимодействует с предприятиями частного сектора. В системе государственного регулирования важную роль играют прямые административные методы.

Цель исследования: провести сравнительный анализ используемых подходов к имплементации ЦУР на уровне регионов в Республике Казахстан и Российской Федерации. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- ♦ предложены критерии, позволяющие охарактеризовать формирующуюся на общенациональном уровне модель участия государства в имплементации ЦУР на региональном уровне;
- ♦ идентифицированы подходы к институционализации ЦУР в рамках общегосударственной и региональной политики Казахстана и России;
- ♦ проведен анализ содержательных приоритетов деятельности по локализации и имплементации ЦУР;
- ♦ охарактеризованы механизмы финансирования принимаемых решений.

Полученные результаты будут направлены для использования в работе государственными органами при выработке рекомендаций по достижению целей устойчивого развития, а также для применения руководителями и специалистами фирм при разработке стратегии развития.

Материалы и методы

На основе использования метода сравнительного анализа проведена оценка разнообразных инструментов государственного регулирования, базирующихся на оценке устойчивости развития регионов в соответствии с принципами устойчивого развития территорий, определенными международными организациями и научным сообществом с учетом ЦУР; учитывающих луч-

шие практики мониторинга достижения ЦУР на региональном уровне (рекомендации ОЭСР, ООН-Хабитат, международные стандарты ISO в сфере устойчивого развития территорий), а также опыт ведущих исследовательских групп и организаций (адаптация для оценки регионов общенациональных показателей ЦУР, обеспечение сравнимости и сопоставимости показателей для всех регионов; использование показателей, значения которых могут оцениваться в динамике и данные по которым публикуются/обновляются на регулярной основе).

Информационной базой для исследования послужили три типа источников. Во-первых, *voluntary national reviews*, *VNRs* и страновые стратегические документы. Во-вторых, документы, формирующие нормативно-правовую базу для реализации ЦУР, и документы, характеризующие стратегические национальные приоритеты в данной сфере. В-третьих, стратегические планы и программы региональных и местных органов управления.

Основные положения

Концепция устойчивого развития рассматривается в России и Казахстане не просто как инструмент повышения эффективности управления, но как инструмент «встраивания» в международную повестку достижения ЦУР.

В настоящий момент можно условно выделить несколько основных направлений внедрения принципов устойчивого развития на региональном уровне: учет принципов устойчивого развития в стратегическом планировании; мониторинг и составление отчетов о вкладе в достижение ЦУР; вовлечение бизнеса и других заинтересованных сторон в повестку устойчивого развития, расширение взаимодействия в этой сфере с крупными банками и институтами развития.

Важными целевыми установками продвижения повестки устойчивого развития для регионов Казахстан и России являются повышение качества жизни населения и рост уровня конкурентоспособности регионов.

Для оценки достижения целей устойчивого развития на уровне регионов ключевыми являются наличие качественных и доступных инструментов оценки и мониторинга, выстраивание эффективных форматов взаимодействия со всеми стейкхолдерами, прежде всего с бизнесом. При этом качество управления оценивается на основе оценки степени отражения повестки устойчивого развития в программных документах развития регионов.

Литературный обзор

Цели устойчивого развития как тема исследования всегда была одной из актуальных. Например, группа ученых из Китая провела библиометрический анализ всех статей на английском языке, написанных за последние 40 лет, через базу данных *SCI/SSCI Web of Science* с тегами «ЦУР». Окончательный поиск позволил идентифицировать 1402 документа на английском языке, найденных в основной базе данных *WOS* с 1981 по 2020 гг. Установлено, что количество статей по данной тематике стремительно возросло с 49 в 2014 г. до 147 статей в 2020 г. [17].

Идея оценки стран на основе критериального подхода изложена в 1992 г. в «Повестке дня на XXI век». В 1995 г. Комиссия ООН по устойчивому развитию впервые определила группу индикаторов устойчивого развития, что придало импульс для разработки страновых показателей [18].

Существующий массив литературы по проблемам исследования моделей *governmental organization* при имплементации ЦУР на региональном уровне можно разбить на три группы.

Первая группа – это работы, посвященные проблемным вопросам оценки реализации ЦУР на региональном уровне

М. Стаффорд-Смит, Д. Григс, О. Гафни акцентируют внимание на существующих взаимосвязях в трех областях (крупное предпринимательство, государственный сектор и гражданское общество), а также на косвенном совпадении интересов стран с низким, средним и высоким уровнем дохода. По итогам исследования были разработаны рекомендации, направленные на совершенствование выявленных взаимосвязей как на глобальном, так и на национальном уровнях [19].

Ф. Бирмэн считает, что цифровые технологии приводят к универсализации и глобализации. Однако ожидается, что они будут адаптированы к национальному и местному контексту, учитывая уровень развития и действующую национальную и местную политику в области устойчивого развития [20].

В публикации Publication: Sustainable Development Goal Diagnostics: The Case of the Arab Republic of Egypt авторы предлагают аналитическую рамку для помощи странам в приоритизации ЦУР и оценке доступности данных для их мониторинга. В проводимом исследовании именно регрессионный анализ используется для определения результативности достижения ЦУР относительно ВНД на душу населения и построения проекций индикаторов ЦУР до 2030 г. Апробация предложенной аналитической рамки произведена на основе данных по реализации ЦУР в Египте, где анализируется прогресс по ЦУР с 2000 г. и прогнозируется достижение ЦУР к 2030 г. [21].

Результаты исследования, приведенные в международном журнале Sustainable Development, показывают, что из-за сложности оценки индекса устойчивого развития был разработан метод для измерения Sustainable Development (SD) с использованием регрессионного анализа и данных, доступных в разных глобальных отчетах. В рамках исследования были выбраны глобальные отчеты по каждому аспекту SD (социальному, экономическому и экологическому), а также данные отчетов за 2016 г. были использованы для построения регрессионных моделей. Достоверность полученных результатов для данных 2016 и 2018 гг. составляла примерно 95% и 90% соответственно, а также был сделан вывод, что наиболее важным аспектом в SD является социальный [22].

В исследовании, результаты которого опубликованы в Evaluation and Analysis of Poverty-Stricken Counties under the Framework of the UN Sustainable Development Goals: A Case Study of Hunan Province, China, также применялся регрессионный анализ для построения моделей оценки бедности населения провинции Хуань (Китай). Авторы использовали множественные линейные модели для анализа различных социально-экономических факторов. Результаты исследования показали, что коэффициент детерминации и относительная ошибка модели, включающей все факторы, составляет 0,76% и 19,12% соответственно [23].

Савруков А.Н. выделяет ряд недостатков оценки государственного управления в регионах, что можно частично перенести и на оценки достижения целей устойчивого развития. Например, перечень показателей может быть неполным, т.е. учитывать не в полной мере те или иные аспекты, влияющие в одном из трех направлений (экономический, экологический, социальный), или не учитывать вовсе, что может быть связано с особенностями странового аспекта. Некорректными могут быть исследования, где сравниваются различные по площади или по численности населения регионы без нормирования данных. В этом случае корректнее использовать удельные показатели [24].

В работе Антонова М.А. представлен примерный список показателей, которые могут относиться к одной из трех групп факторов (экономические, экологические и социальные) [25].

В работе Тюренкова Е.Н. предложено создание паспорта региона, в котором были бы собраны стандартные характеристики каждого региона, начиная с геополитического расположения (описание границ, климатического пояса, размер территорий, описание природных ресурсов), заканчивая экономическими (ВРП, инфляция, индекс промышленного производства и другие). Индикаторы могут быть относительными и абсолютными [26].

Работа Бобылева С.Н. является ярким примером исследований, проводимых российскими авторами по организации оценки устойчивого развития в России, тщательного анализа предлагаемых международными организациями индикаторов. Данная работа объясняет столь пристальное внимание многих авторов к экологическим аспектам устойчивого развития в начале внедрения концепции в России. Законодательная власть не уделяла должного внимания этому направлению. Все индикаторы рассчитывались с одной целью – понять, насколько проводимые меры эффективны [27].

Вторая группа источников – это рейтинги и рэнкинги устойчивого развития, которые могут быть отнесены к инструментам мониторинга и взаимодействия заинтересованных сторон по вопросам имплементации ЦУР:

Рэнкинг устойчивого развития регионов России (ООО «Агентство Эс Джи Эм»). Рэнкинг устойчивого развития регионов за 2021 г. является универсальным инструментом оценки всех основных направлений устойчивого развития территорий, ориентированным на широкий круг заинтересованных сторон. Рэнкинг представляет собой ранжирование регионов по уровню устойчивости развития на основе 51 показателя. За методологическую основу построения рэнкинга была принята концепция устойчивого развития, которая предполагает обеспечение баланса между экономическими, социальными и экологическими целями с учетом эффективности управления.

Рэнкинг устойчивости развития городов Российской Федерации (ООО «Агентство Эс Джи Эм»), методология составления которого опирается на опыт ведущих международных исследовательских групп и организаций и отражает особенности развития российских городов. Например, в российских реалиях особую важность для устойчивости развития городов в среднесрочной перспективе играют демографические факторы, поэтому в рамках рэнкинга демографические показатели выделены в отдельный блок в рамках оценки социальной сферы городов. Также следует отметить, что при оценке устойчивости развития городов в отличие от ESG-оценки (которая сейчас активно используется в некоторых региональных рэнкингах) большое внимание уделяется вопросам экономического развития и городской инфраструктуры.

ESG-рейтинг регионов и городов Евразийского экономического союза (ООО «Национальное Рейтинговое Агентство») составлен для 23 регионов и крупнейших городов стран ЕАЭС. Выборка данного рейтинга включает регионы России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Армении, а также отдельные города (Москва, Минск, Астана, Бишкек и Ереван). Рейтинг базируется на использовании 45 релевантных показателей, сгруппированных в три тематических блока (Environmental, Social, Governance) [9].

Реализация целей устойчивого развития в г. Москве (Департамент инвестиционной и промышленной политики г. Москвы), т.к. г. Москва является единственным городом Российской Федерации и Восточной Европы, который участвует в пилотном проекте «Территориальный подход в достижении ЦУР» и использует ЦУР в достижении сбалансированного городского развития. Москва стала участником пилотного проекта в 2019 г. Проведена оценка достижения установленных значений в разрезе 59 индикаторов (41 – общий, 17 – специфичных, 1 – информативный).

Третья группа источников – работы, посвященные вопросам сравнительного анализа реализации ЦУР на региональном уровне в Казахстане и России. Здесь научное сообщество пока только формирует подходы к осмыслению данной проблематики.

Однако сравнительные исследования governmental organization в различных сферах экономики Казахстана и России пока находятся на начальной стадии [28]. Таким образом, остается открытым вопрос, каковы характеристики модели governmental organization, используемой при реализации ЦУР на региональном уровне в Казахстане и России. Можно ли ее рассматривать как частный случай одной из сложившихся моделей или же внедряемая концепция обладает ярко выраженной спецификой как в Казахстане, так и в России?

Для ответа на этот вопрос был проведен сравнительный анализ моделей governmental organization применительно к реализации ЦУР на основе выработанных критериев. Выбор критериев расширяет существующие подходы к анализу исследуемой проблематики за счет сравнения formal institutional practices and structures, содержательных приоритетов государственной политики, сопоставления центров принятия управленческих решений и центров концентрации финансовых ресурсов.

Результаты и обсуждение

Институционализация ЦУР в общенациональной и региональной политике Казахстана и России

Реализация ЦУР в Казахстане и России рассматривается как элемент более глобальных целей, связанных с обеспечением устойчивого развития национальных экономик. Однако в контексте реализации региональной политики наблюдаются определенные отличия.

Таблица 1 – Институционализация ЦУР в общенациональной и региональной политике

Критерии	Республика Казахстан	Российская Федерация
Уполномоченный орган в области реализации ЦУР	Координационный совет по целям устойчивого развития. Министерство национальной экономики Республики Казахстан является координационным органом работы данного совета. АО «Институт экономических исследований» – консультационная поддержка	Реализация полномочий координирующего органа в части ЦУР осуществляется Межведомственной рабочей группой при Администрации Президента Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением климата
Центральные органы исполнительной власти, наиболее активно вовлеченные в реализацию ЦУР	Министерство национальной экономики Республики Казахстан, Министерство труда и социальной защиты, Министерство экологии, геологии и природных ресурсов, Министерство культуры и информации, Министерство иностранных дел, Бюро национальной статистики, Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан	Все 17 ЦУР как в целом, так и на уровне отдельных задач распределены между федеральными органами исполнительной власти в инициативном порядке с учетом реализуемых ими функций в установленных сферах деятельности
Региональные органы, наиболее активно вовлеченные в реализацию ЦУР	Областные и городские акиматы	Непосредственная реализация положений повестки устойчивого развития в субъектах, как правило, не предусмотрена. Реализация ЦУР в субъектах осуществляется посредством реализации региональных программ и проектов, соотносящихся с ЦУР. Большая часть ЦУР, относящихся к полномочиям субъектов, отражена в целях и целевых индикаторах анализируемых региональных стратегий, региональных проектов и государственных программ, действующих на территории субъектов
Нормативно-правовая база ЦУР на общенациональном уровне	1) Стратегия развития Казахстана до 2050 г.; 2) Стратегия «Общенациональные приоритеты»; 3) Национальный план развития РК, Стратегия национальной безопасности РК; 4) концепция развития отрасли/сферы, национальные проекты; 5) программы развития территорий; 6) планы развития государственных органов, планы развития областей, городов республиканского значения, столицы, планы развития национальных холдингов и национальных компаний	1) О стратегическом планировании в Российской Федерации; 2) Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г.; 3) Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.; 4) Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г.; 5) Федеральный план статистических работ; 6) Московская декларация; 7) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»
Показатели ЦУР	В Республике Казахстан по итогам проведенной работы по институционализации ЦУР был утвержден национализированный перечень из 17 целей, 169 задач и 297 показателей (с добавлением 76 национальных показателей, 35 из которых предложены дополнительно).	В Российской Федерации в федеральный план статистических работ включено 118 (120, включая повторы) глобальных показателей ЦУР ООН, из которых 29 показателей представлены в разрезе субъектов.

Продолжение таблицы 1

<p>Источники и механизмы финансирования программ ЦУР</p>	<p>Обеспеченность финансовыми ресурсами является одним из главных факторов реализации глобальной Повестки дня в области устойчивого развития. В стране внедряется комплексный национальный механизм финансирования. В обеспечении устойчивого развития немаловажное значение имеет согласованность системы государственного планирования с бюджетными процессами. Пока Казахстан находится на начальном этапе интеграции целей устойчивого развития в бюджетное планирование. Чтобы оценить уровень охвата ЦУР государственным бюджетом, при экспертной поддержке Программы Развития ООН в Казахстане проведена быстрая комплексная оценка (БКО) бюджетных программ. Согласно обобщенным результатам маркировки по всем функциональным группам охват задач ЦУР бюджетными программами составляет 46% (77 из 167 национальных задач ЦУР)</p>	<p>В Российской Федерации в действующих НПА, регулирующих бюджетные отношения, требования по учету ЦУР в бюджетном процессе отсутствуют. В государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» в настоящее время не предусмотрена маркировка мероприятий (и результатов) программ и проектов, направленных на достижение ЦУР. В Положении о системе управления государственными программами Российской Федерации установлено, что ГП субъектов разрабатываются для достижения национальных целей. При этом национальные цели соотносимы или оказывают непосредственное влияние на цели и (или) показатели устойчивого развития, а ЦУР (в части задач и показателей) в той или иной степени соотносятся с положениями федеральных госпрограмм и ГП субъектов</p>
<p>Примечание: Составлено авторами на основе источников [29, 30, 31].</p>		

В настоящее время в Республике Казахстан ЦУР интегрированы в стратегические планы страны, а также утвержден перечень национальных индикаторов ЦУР. С 2021 г. действует новая система государственного планирования, которая отражает основной тезис, что документы Системы государственного планирования должны содержать индикаторы ЦУР ООН. Для этих целей в 2021 г. также утверждены национальные индикаторы ЦУР.

В действующих стратегических и программных документах можно провести параллель с отдельными задачами и индикаторами ЦУР. Такими документами являются: Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 г., Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан, План территориального развития, национальные проекты, планы развития регионов и другие.

Например, в Планах развития областей нашли отражение такие глобальные цели устойчивого развития социальной сферы, как «Ликвидация голода», «Хорошее здоровье и благополучие» и «Качественное образование».

ЦУР по экономическому росту отражены в программах развития регионов Казахстана. Так, в Планах развития областей до 2025 г. учтены и подробно расписаны такие цели устойчивого развития, как «Ликвидация нищеты», «Достойная работа и экономический рост», «Индустриализация, инновации и инфраструктура», «Устойчивые города и населенные пункты» [31].

Экологическая составляющая также представлена в Планах развития областей на 2021–2025 гг. Однако в большинстве областей данный аспект в плане отражен лишь обобщенной формулировкой «улучшение экологической ситуации региона». Так, такая важная для Казахстана ЦУР «Обеспечение населения качественной питьевой водой» выделена только в планах Костанайской, Мангистауской и Северо-Казахстанской областей. Цель «Улучшение экологического состояния и сохранение экосистем водных объектов и рыбных ресурсов» идентифицирована в планах развития Улытауской и Жетысуской областей. В программе развития г. Алматы отдельно указана целевая установка «Создание современной системы переработки отходов и обеспечение надлежащего санитарного состояния городских территорий. Благоустройство и озеленение города. Снижение выброса загрязняющих веществ в атмосферу стационарными

источниками», а в Плане развития Алматинской области уделено внимание цели «Улучшение экологического состояния, восстановление численности редких и исчезающих видов диких животных на территории ГПР «Иле-Балхаш» и сохранение экосистем водных объектов и рыбных ресурсов».

Необходимо отметить, что в планах развития областей и крупных городов Казахстана не нашли отражение такие ЦУР, как «Гендерное равенство», «Уменьшение неравенства», «Партнерство в интересах устойчивого развития». Лишь в Программе развития г. Алматы на 2021–2025 гг. выделено отдельное направление «Город равных возможностей».

Согласно статье 32 Федерального закона № 172-ФЗ, «стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации разрабатываются в целях определения приоритетов, целей и задач социально-экономического развития субъектов, согласованных с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации, а порядок разработки и корректировки стратегии социально-экономического развития субъекта определяется нормативным правовым актом субъекта». Таким образом, в нормативно-правовой базе отсутствуют положения, запрещающие включение задач и показателей ЦУР, не противоречащих целям развития Российской Федерации, в стратегии социально-экономического развития субъекта.

Однако отсутствие на региональном уровне положений принятых законодательных актов, соотносящихся с отдельными ЦУР, зачастую обусловлено географическими особенностями регионов. Так, ЦУР 14 «Сохранение морских экосистем» не является актуальной для ряда регионов в связи с отсутствием выхода к морю.

На региональном уровне реализуются положения НПА, соотносящихся с отдельными ЦУР. Например, задачи ЦУР 1 «Ликвидация нищеты» соотносятся с положениями законов о социальной помощи и поддержке граждан и затрагиваются в ряде других законодательных и нормативных правовых актов субъектов; достижение ЦУР 2 «Ликвидация голода» интегрировано в законы субъектов о продовольственной безопасности. В отдельных субъектах утверждены или находятся на стадии разработки и согласования региональные планы адаптации к изменениям климата на территории субъектов, что соотносится с реализацией ЦУР 13 «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями».

Но необходимо отметить, что непосредственная реализация положений повестки устойчивого развития в субъектах Российской Федерации не предусмотрена.

Например, для отслеживания уровня достижения целей устойчивого развития в Федеральный план статистических работ было добавлено около 100 показателей. Проблема заключается в том, что не все из этих показателей предоставляются в региональной разбивке, а значит, оценивать достижение устойчивого развития на уровне регионов становится сложнее. Таким образом, приходится подбирать переменные для анализа на основе экспертных оценок, сопоставляя и определяя, насколько тот или иной показатель способен отразить уровень устойчивого развития региона.

В России альтернативой понятия «устойчивое развитие» стали факторы ESG (воздействие бизнеса на окружающую среду и социальное развитие, оценка эффективности управления). Ключевые российские рейтинговые агентства разработали методологии ESG-оценки для регионов. Вместе с тем, учитывая мировой опыт, на уровне регионов следует уделять внимание прежде всего достижению ЦУР, а ESG-факторы рассматривать как инструменты измерения эффективности достижения ЦУР [31].

Реализация ЦУР в субъектах осуществляется посредством реализации региональных программ и проектов, соотносящихся с ЦУР. Большая часть ЦУР, относящихся к полномочиям субъектов, отражена в целях и целевых индикаторах региональных стратегий, проектов и государственных программ, действующих на территории субъектов. Как правило, ЦУР не присутствуют как таковые в документах стратегического планирования субъектов. Наблюдаются единичные примеры включения в региональные стратегии положений, непосредственно направленных на реализацию повестки устойчивого развития.

Процесс формирования политики финансирования устойчивого развития имеет длительную и непростую историю. Если на первоначальных этапах финансирование устойчивого развития предполагало существенную роль международного финансирования, а также финансирование правительствами развитых стран проектов, реализуемых в развивающихся странах, то в настоящее время бремя финансирования возлагается на сами страны, а мобилизация частного

капитала является второстепенной задачей, поскольку признается, что без крупных сумм долгосрочного капитала, аккумулируемого институциональными инвесторами, невозможно модернизировать существующие инфраструктуру и экономику настолько быстро, насколько это необходимо для достижения целей устойчивого развития. Политика финансирования устойчивого развития формируется по ряду направлений, в рамках которых применяется определенный набор инструментов.

В Казахстане и России в действующих НПА, регулирующих бюджетные отношения, требования по учету ЦУР в бюджетном процессе, в том числе при реализации программно-целевых методов управления государственными финансами, несколько отличаются.

В Республике Казахстан согласно обобщенным результатам маркировки по всем функциональным группам охват задач ЦУР бюджетными программами составляет 46% (77 из 167 национальных задач ЦУР). Анализ показал высокий уровень соответствия бюджетных программ следующим ЦУР: ЦУР 16 «Мир, правосудие и эффективные институты» (92%), ЦУР 11 «Устойчивые города и населенные пункты» (80%), ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура» (75%), ЦУР 4 «Качественное образование» (70%), ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие» (69%) и ЦУР 13 «Борьба с изменением климата» (67%). Средний уровень соответствия бюджетных программ наблюдается по отношению к следующим ЦУР: ЦУР 7 «Недорогостоящая и чистая энергия» (60%), ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост» (50%), ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство» (45%), ЦУР 1 «Ликвидация нищеты» (43%) и ЦУР 10 «Снижение неравенства» (40%). Выявлен низкий уровень соответствия бюджетных программ таким ЦУР, как ЦУР 17 «Партнерство» (37%), ЦУР 15 «Сохранение экосистемы суши» (33%) и ЦУР 2 «Ликвидация голода» (25%).

В Российской Федерации в настоящее время процедуры учета ЦУР и маркировки мероприятий (результатов) программ и проектов, направленных на достижение ЦУР, не регламентированы. Нормативно утвержденные и общепринятые единые методологические подходы к определению влияния (в том числе косвенного) тех или иных мероприятий на достижение показателей ЦУР при определении объемов их финансового обеспечения не разработаны. Соответственно, оценка доли финансовых ресурсов, направляемых на реализацию мероприятий, ориентированных на достижение ЦУР, в субъектах осуществляется экспертным путем с учетом региональной специфики. В целом она базируется на контекстуальном анализе мер, предусмотренных документами стратегического планирования субъектов (ГП субъектов и РП), и позволяет определить фактически реализованные мероприятия, соотносящиеся с повесткой устойчивого развития. Кассовые расходы региональных бюджетов, соотносимые с ЦУР, занимают в программных расходах, как правило, весомую долю.

Оценка разрыва между текущими и прогнозными значениями показателей, характеризующими достижения целей устойчивого развития.

Оценка разрыва между текущими и прогнозными значениями показателей, характеризующими достижения целей устойчивого развития в отдельных регионах Казахстана, показала, что наибольший прогресс регионами достигнут в части показателей социального блока, в то время как в части экологического блока результаты остаются точками для роста и развития. Для экономического блока характерна наибольшая вариация значений между отдельными регионами.

В целом можно идентифицировать четыре варианта реакции региональных экономик на потрясения, связанные с периодом пандемии и введением антироссийских санкций:

- 1 – регионы возвращаются к уже существующему устойчивому пути роста;
- 2 – регионы не смогли возобновить прежний устойчивый путь роста после шока, но выстраивают новую траекторию с таким же темпом роста;
- 3 – регионы не смогли возобновить прежний устойчивый путь роста после шока, но выстраивают траекторию, темп роста которой ниже докризисного;
- 4 – регионы восстанавливаются от шока и выходят на новый, улучшенный путь роста.

Многие тенденции экономического развития регионов, наметившиеся в 2019 г., не получили продолжения в настоящее время из-за резких изменений экономической и геополитической ситуации. В первую очередь на состояние региональных экономик в текущих условиях оказывает влияние их отраслевая специализация и транспортная доступность в условиях изменения географии товарных потоков. С наиболее серьезными проблемами сталкиваются регионы, специализирующиеся на горно-металлургической промышленности. Более благоприятная ситуация складывается для регионов с высокой долей агропромышленных предприятий.

Первый блок показателей (социальный) включает индикаторы, характеризующие уровень занятости, доходы населения, демографические тенденции, развитие медицинской сферы, сферы образования и другие. Оценки регионов существенно варьируют в разрезе отдельных количественных показателей социального блока. Наблюдается незначительное снижение среднего уровня безработицы на 2,38% (с вариациями от 0,075% до 0,065%), что свидетельствует о тенденции, характеризующей стабилизацию рынка труда. Ожидаемая продолжительность жизни населения демонстрирует прирост на 1,72%. Наблюдается незначительный рост реальных денежных доходов населения, отражающий улучшение экономического благосостояния граждан. Показателем экономической безопасности является дифференциация в уровне доходов населения (наблюдается снижение социального неравенства в диапазоне от 10,99% до 11,05%). Также отмечается снижение материнской и младенческой смертности на 4,19%, что свидетельствует о повышении качества оказания медицинских услуг. Еще одним ключевым аспектом является образование, где наблюдается заметный прогресс. Оценка качества школьного образования по результатам теста PISA показывает существенное улучшение. Эти данные свидетельствуют о повышении качества образовательной системы и эффективности проводимой работы по совершенствованию учебных программ и методик обучения. Хорошую динамику демонстрирует развитие сферы высшего и послевузовского образования: возрождается образовательная дуальность: научи думать//научи делать; мифологемой современного инженерного образования становится «готовим генеральных конструкторов». Практически сделана ставка на приобретение обучающимися компетенций, которые позволяют им работать как в области теоретического познания, так и в области практической инженерной/технологической/производственной деятельности и даже одновременно в данных областях. Показатель, характеризующий отношение среднедушевых доходов населения к стоимости жилья, возрос на 17,45%, что демонстрирует улучшение доступности жилья. Оценка ощущений личной, имущественной и общественной безопасности населения показывает значительный прирост (17,03%). Наблюдаемый рост свидетельствует о повышении эффективности мер по обеспечению безопасности и снижению уровня преступности, а также об улучшении взаимодействия правоохранительных органов с населением.

С целью имплементации ЦУР социальной направленности на региональное развитие целесообразно дополнительно рассмотреть следующие показатели: уровень смертности населения в трудоспособном возрасте; время прибытия скорой помощи; уровень врачебной активности; уровень смертности в связи с дорожно-транспортными происшествиями; доля населения с высшим образованием; гендерный разрыв среди молодежи, не вовлеченной в получение образования, рабочую деятельность либо ТиПО; уровень охвата детей дошкольным образованием; уровень зарегистрированной преступности и др. Очевидно, что достаточно высоким является потенциал использования больших данных как инструментария для повышения уровня жизни населения регионов (анализ финансового профиля жителей регионов; аналитика по регионам – куда мигрируют работники, где больший рост заработной платы, где рождается больше детей и др.).

Второй блок (управленческий) включает следующий комплекс качественных параметров: степень интеграции ЦУР в планы развития областей; полноту идентификации климатических рисков; наличие публичных стратегий, отражающих комплекс природоохранных мероприятий. В планы развития всех регионов Казахстана имплементированы ЦУР, но наблюдается определенный разброс по отдельным ЦУР. Например, ЦУР в области экологии в наименьшей степени представлены в планах развития Карагандинской и Алматинской областей (мероприятия только по двум из пяти ЦУР связаны с экологией). По двум другим качественным параметрам управленческого блока казахстанские регионы представлены не в полном объеме. Отсутствие количественных показателей затрудняет оценку и не позволяет проследить динамику в рамках данного блока.

Третий блок (экологический) включает такие аспекты, как воздействие на окружающую среду, обращение с отходами, охраняемые природные территории и зеленые насаждения, а также отдельные индикаторы (энергоёмкость ВРП, затраты на охрану окружающей среды и др.). Ситуация в регионах существенно отличается в разрезе отдельных количественных показателей экологического блока: по некоторым из них в большинстве регионов фиксируется поло-

жительная динамика, в то время как другие остаются в «проблемной» зоне. Особое внимание уделяется удовлетворенности населения качеством экологической обстановки, которая демонстрирует рост на 25,15%. Данная тенденция не только свидетельствует о пристальном внимании региональных властей к решению экологических проблем, но и отражает результативность работы, направленной на повышение экологической безопасности и качества жизни. Доступ к услугам водоснабжения, который является критически важным аспектом экологического благополучия, демонстрирует тенденцию роста на 13,11% в сельских районах и на 2,01% – в городских условиях. Данный рост свидетельствует о развитии инфраструктуры и эффективности проводимого комплекса мероприятий по обеспечению доступа к питьевой воде, что является важным фактором повышения качества жизни и улучшения здоровья населения.

В Российской Федерации по большинству показателей ЦУР в 85 субъектах в период 2019–2022 гг. наблюдалась позитивная динамика. Доля показателей с положительной динамикой в каждом субъекте варьирует от 45,2 до 72,6% от общего количества показателей, дезагрегированных на уровень субъектов. При этом отрицательная динамика в большинстве субъектов наблюдается по ряду показателей, соотносящихся с национальными и региональными целями устойчивого развития. Отмечается также, что в некоторых субъектах данные показатели не попадают в периметр мониторинга реализации документов стратегического планирования.

По 40 показателям (из 124) положительная динамика отмечена в преобладающем большинстве регионов. Наибольшая доля показателей с положительной динамикой наблюдается по показателям ЦУР 4 «Качественное образование» (у преобладающего большинства субъектов около 66,7% всех показателей, дезагрегированных на уровень субъектов, имеют положительную динамику).

В части показателей ЦУР, по которым наблюдается отрицательная динамика, отмечается следующее. В преобладающем большинстве субъектов отрицательная динамика наблюдается по восьми показателям (из 124). Наибольшая доля показателей с отрицательной динамикой наблюдается по показателям ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие». В преобладающем большинстве субъектов около 11,4% всех показателей ЦУР 3, дезагрегированных на уровень субъектов, демонстрируют отрицательную динамику.

Отдельно отмечается группа показателей, по которым многие субъекты не осуществляют мониторинг либо количество наблюдений по субъекту не обеспечивает статистическую достоверность, достаточную для официальной публикации. Также отмечается, что национальный перечень показателей ЦУР имеет более широкий охват показателей, дезагрегируемых на региональный уровень, по сравнению с перечнем показателей, характеризующих достижение национальных целей на региональном уровне. Результаты анализа основных положений, предусмотренных Указом № 68 и Повесткой устойчивого развития, показали, что в совокупности только 17 из 20 показателей соотносятся с ЦУР. Не соотносятся с ЦУР 3 показателя: 1 (доверие к власти), 8 (доля граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью), 10 (число посещений культурных мероприятий).

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

Сложился достаточно обширный массив исследований, посвященных специфике локализации и имплементации ЦУР в разных странах, и в том числе специфике роли государства в этом процессе. Для анализа роли государства используются такие критерии, как уровень управления, на котором принимаются ключевые политические решения; масштаб общенациональных целей, достижению которых способствует устойчивое развитие; тип финансовых источников, используемых для реализации ЦУР. В рамках данного исследования перечень критериев для анализа governmental organization был расширен. Предложенный набор критериев позволил провести сравнение процессов имплементации ЦУР в России и Казахстане с учетом formal institutional practices and structures, содержательных приоритетов государственной политики, данных о центрах принятия управленческих решений и центрах концентрации финансовых ресурсов.

Казахстан и Россия демонстрируют разные подходы в части формирования политики, направленной на финансирование устойчивого развития. Но тем не менее в исследуемых странах осуществляется поиск дополнительных стимулов для направления финансовых средств на цели устойчивого развития, которые коррелируют с наиболее острыми проблемами в области социального обеспечения, загрязнения окружающей среды, создания эффективных производств.

Важным условием эффективного управления устойчивым развитием на региональном уровне является наличие инструментов оценки и мониторинга. В Казахстане и России разработанные инструменты направлены на оценку отдельных аспектов устойчивого развития. Имплементация ЦУР на региональном уровне в настоящее время не произведена.

Также необходимо отметить, что в настоящее время в исследуемых странах не регламентированы процедуры учета ЦУР в документах стратегического планирования, разрабатываемых на региональном уровне, а также маркировки мероприятий и результатов программ и проектов, направленных на достижение ЦУР.

Информация о финансировании. Статья подготовлена в рамках гранта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан по проекту AP19679796 «Исследование факторов развития регионов с учетом межрегиональных связей и государственного регулирования».

ЛИТЕРАТУРА

- 1 The World Bank. Urban Development. URL: <https://www.worldbank.org/en/projects-operations/environmental-and-social-policies>
- 2 Mora L., Bolici R., Deakin M. The First Two Decades of Smart-City Research: A Bibliometric Analysis // *Journal of Urban Technology*. 2017, no. 24(1), pp. 3–27. URL: <https://doi.org/10.1080/10630732.2017.1285123>
- 3 Glasmeier A., Christopherson S. Thinking about smart cities // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2015, no. 8(1), pp. 3–12. URL: <https://doi.org/10.3390/su8111122>
- 4 Gibbons S., Overman H.G. Mostly pointless spatial econometrics? // *Journal of regional Science*. 2012, no. 52(2), pp. 172–191.
- 5 BaltagiBadi H. The two-way Hausman and Taylor estimator // *Economics Letters*. 2023, no. 228, pp. 111–159. URL: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111159>
- 6 Marelli E.P., Parisi M.L., Signorelli M. Economic convergence in the EU and Eurozone // *Journal of Economic Studies*. 2019, no. 46(7), pp. 1332–1344. URL: <https://doi.org/10.1108/JES-03-2019-0139>
- 7 Гафарова Е.А. Валовой муниципальный продукт как показатель уровня экономического развития муниципальных образований региона (на материалах Республики Башкортостан) // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. – 2017. – № 10(4). – С. 91–103.
- 8 Аверина Д.С., Горшкова Т.Г., Синельникова-Мурьева Е.В. Построение кривой Филлипа на региональных данных // *Экономический журнал ВШЭ*. – 2018. – № 4. – С. 609–630.
- 9 Лазарева В.В., Дьяченко В.Н., Власова Н.Ю. Приграничное положение и устойчивое развитие региона // *Регионалистика*. – 2020. – № 2. – С. 24–36. URL: <https://doi.org/10.14530/reg.2020.2.24>
- 10 Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. Индикаторы основные возглавляют социально-экономическое развитие и их агрегаты в пространстве характеристик региональной дифференциации // *Прикладная эконометрика*. – 2019. – № 2(54). – С. 51–69.
- 11 Тикунов В.С., Бабурин В.А., Белоусов С.К. Интегральная оценка экономического развития регионов Российской Федерации // *Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика*. – 2022. – № 2. – С. 189–200. URL: <https://doi.org/10.38050/01300105202229>
- 12 Истомина С.В., Лычагина Т.А., Пахомова Е.А., Пахомов А.В. Методика определения инновационного потенциала социально-экономических объектов различных иерархических уровней с использованием элементов векторного анализа и теории поля // *National Interests: Priorities and Security*. – 2018. – № 14(1). – С. 97–120. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.14.1.97>
- 13 Пахомова Е.А., Харчева К.С., Шаркова Т.С. Комплексный анализ социально-экономического положения муниципальных районов Московской области на основе экономико-математического инструментария // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2016. – № 9(342). – С. 4–17.
- 14 Caroleo F.E., Coppola G., Semerikova E.V. Analysis of the Regional Disparities in Russia through STATIS Methodology // *Scienze Regionali*. 2022, no. 21(2), pp. 169–198.
- 15 Demidova O. Convergence of Russian Regions: Different Patterns for Poor, Middle and Rich // *Economy of Region*. 2021, no. 17(4), pp. 1151–1165. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-8>

- 16 Demidova O., Daddi P., Medvedeva E., Signorelli M. Modeling the Employment Rate in Russia: a Spatial-Econometric Approach // *Economy of Region*. 2018, no. 14(4), pp. 1383–1398.
- 17 Cheng Y., Liu H., Wang S., Cui X., Li, Q. Global Action on SDGs: Policy Review and Outlook in a Post-Pandemic Era // *Review. Sustainability*. 2021, no.13, pp. 1–25. URL: <https://doi.org/10.3390/su13116461>
- 18 Biermann F., Kanie N., Kim R.E. Global governance by goal-setting: the novel approach of the UN Sustainable Development Goals // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2017, no. 26–27, pp. 26–31. URL:<https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.01.010>
- 19 Stafford-Smith M., Griggs D., Gaffney O. et al. Integration: the key to implementing the Sustainable Development Goal // *Sustain Sci*. 2017, no. 19, pp. 911–919. URL: <https://doi.org/10.1007/s11625-016-0383-3>
- 20 Biermann F. Earth system governance World politics in the post-environmental age // *Routledge handbook of Global Environmental politics*, 2 edition. 2022, pp. 283–294. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003008873>
- 21 Hanan A.-S., El-Maghrabi M., Osorio R. Sustainable Development Goal Diagnostics: The Case of the Arab Republic of Egypt // *World Bank Working Paper*. 2018, pp.5–8.
- 22 Browne K., Dzebo A., Iacobuta G., Onbargi A.F., Shawoo Z., Dombrowsky I., Fridahl M., Gottenhuber S., Persson Å. How does policy coherence shape effectiveness and inequality // *Implications for sustainable development and the 2030 Agenda: SustainableDevelopment*. 2023, no. 31(5), pp. 3161–3174. URL: <https://doi.org/10.1002/sd.2598>
- 23 Wang Y., Wang M., Huang B., Li S., Lin Y. Evaluation and Analysis of Poverty-Stricken Counties under the Framework of the UN Sustainable Development Goals: A Case Study of Hunan Province, China // *Remote Sensing*. 2021, no. 13(23), pp. 1–23. URL: <https://doi.org/10.3390/rs13234778>
- 24 Савруков А.Н., Савруков Н.Т. Методический подход и критерии оценки эффективности государственного управления в регионах // *Финансы и кредит*. – 2017. – № 7(23). – С. 388–402.
- 25 Антонова М.А. Теоретико-методологические основы изучения устойчивого развития регионов // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. – 2013. – № 4(36). – С. 113–119.
- 26 Тюренкова Е.Н. Паспорт региона как один из методов анализа проблем регионального развития // *Стратегия устойчивого развития регионов России*. – 2014. – № 22. – С. 37–40.
- 27 Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: методология и методики измерения. Учеб.пособие / С.Н. Бобылев, Н.В. Зубаревич, С.В. Соловьева, Ю.С. Власов. – М.: Экономика, 2011. – С. 339–346.
- 28 Turgel I.D., Panzabekova A.Zh., Symaniuk N.V. Development of regulatory impact institute under digitization process: experience of Russia and Kazakhstan // *Bulletin of the National academy of sciences of Republic of Kazakhstan*. 2019, no. 5(381), pp. 97–104.
- 29 Добровольный национальный обзор о реализации Повестки дня до 2030 года в области устойчивого развития. Казахстан. – 2022. – С. 21–39. URL: https://economy.kz/documents/OECD/END_Report_DNO_06-2022_small.pdf
- 30 Отчет о результатах параллельного экспертно-аналитического мероприятия «Анализ достижения субъектами Российской Федерации показателей целей устойчивого развития при реализации документов стратегического планирования в период с 2020 года по истекший период 2022 года». – С. 31–58. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/4db/1fj6wt5pivqmbx6cc2vq2rayu2mbq713.pdf>
- 31 ESG-рэнкинг регионов и городов Евразийского экономического союза. – С. 1–20. URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2023/06/esg-rank_a5.pdf

REFERENCES

- 1 The World Bank. Urban Development. URL: <https://www.worldbank.org/en/projects-operations/environmental-and-social-policies>. (In English).
- 2 Mora L., Bolici R., Deakin M. (2017) The First Two Decades of Smart-City Research: A Bibliometric Analysis // *Journal of Urban Technology*, no. 24(1), pp. 3–27. URL: <https://doi.org/10.1080/10630732.2017.1285123>. (In English).
- 3 Glasmeier A., Christopherson S. (2015) Thinking about smart cities // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, no. 8(1), pp. 3–12. URL: <https://doi.org/10.3390/su811122>. (In English).
- 4 Gibbons S., Overman H.G. (2012) Mostly pointless spatial econometrics? // *Journal of regional Science*, no. 52(2), pp. 172–191. (In English).
- 5 BaltagiBadi H. (2023) The two-way Hausman and Taylor estimator // *Economics Letters*, no. 228, pp. 111–159. URL: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111159>. (In English).
- 6 Marelli E.P., Parisi M.L., Signorelli M. (2019) Economic convergence in the EU and Eurozone // *Journal of Economic Studies*, no. 46(7), pp. 1332–1344. URL: <https://doi.org/10.1108/JES-03-2019-0139>. (In English).

7 Gafarova E.A. (2017) Valovoj municipal'nyj produkt kak pokazatel' urovnja jekonomicheskogo razvitiya municipal'nyh obrazovaniy regiona (na materialah Respubliki Bashkortostan) // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Jekonomicheskie nauki. No. 10(4). – P. 91–103. (In Russian).

8 Averina D.S., Gorshkova T.G., Sinel'nikova-Muryleva E.V. (2018) Postroenie krivoj Fillipsa na regional'nyh dannyh // Jekonomicheskij zhurnal VShJe. No. 4. – P. 609–630. (In Russian).

9 Lazareva V.V., D'jachenko V.N., Vlasova N.Ju. (2020) Prigranichnoe polozhenie i ustojchivoe razvitie regiona // Regionalistika. No. 2. P. 24–36. URL: <https://doi.org/10.14530/reg.2020.2.24>. (In Russian).

10 Ajvazjan S.A., Afanas'ev M.Ju., Kudrov A.V. (2019) Indikatory osnovnye vozglavl'ajut social'no-jekonomicheskoe razvitie i ih agregaty v prostranstve harakteristik regional'noj differenciacii // Prikladnaja jekonometrika. No. 2(54). P. 51–69. (In Russian).

11 Tikunov V.S., Baburin V.A., Belousov S.K. (2022) Integral'naja ocenka jekonomicheskogo razvitiya regionov Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6, Jekonomika. No. 2. P. 189–200. URL: <https://doi.org/10.38050/01300105202229>. (In Russian).

12 Istomina S.V., Lychagina T.A., Pahomova E.A., Pahomov A.V. (2018) Metodika opredelenija innovacionnogo potenciala social'no-jekonomicheskikh ob'ektov razlichnyh ierarhicheskikh urovnj s ispol'zovaniem jelementov vektornogo analiza i teorii polja // National Interests: Priorities and Security. № 14(1). – P. 97–120. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.14.1.97>. (In Russian).

13 Pahomova E.A., Harcheva K.S., Sharkova T.S. (2016) Kompleksnyj analiz social'no-jekonomicheskogo polozhenija municipal'nyh rajonov Moskovskoj oblasti na osnove jekonomiko-matematicheskogo instrumentarija // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. № 9(342). – P. 4–17. (In Russian).

14 Caroleo F.E., Coppola G., Semerikova E.V. (2022) Analysis of the Regional Disparities in Russia through STATIS Methodology // Scienze Regionali, no. 21(2), pp. 169–198. (In English).

15 Demidova O. (2021) Convergence of Russian Regions: Different Patterns for Poor, Middle and Rich // Economy of Region, no. 17(4), pp. 1151–1165. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-8>. (In English).

16 Demidova O., Daddi P., Medvedeva E., Signorelli M. (2018) Modeling the Employment Rate in Russia: a Spatial-Econometric Approach // Economy of Region, no. 14(4), pp. 1383–1398. (In English).

17 Cheng Y., Liu H., Wang S., Cui X., Li, Q. (2021) Global Action on SDGs: Policy Review and Outlook in a Post-Pandemic Era // Review. Sustainability, no.13, pp. 1–25. URL: <https://doi.org/10.3390/su13116461>. (In English).

18 Biermann F., Kanie N., Kim R.E. (2017) Global governance by goal-setting: the novel approach of the UN Sustainable Development Goals // Current Opinion in Environmental Sustainability, no. 26–27, pp. 26–31. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.01.010>. (In English).

19 Stafford-Smith M., Griggs D., Gaffney O. et al. (2017) Integration: the key to implementing the Sustainable Development Goal // Sustain Sci, no. 19, pp. 911–919. URL: <https://doi.org/10.1007/s11625-016-0383-3>. (In English).

20 Biermann F. (2022) Earth system governance World politics in the post-environmental age // Routledge handbook of Global Environmental politics, 2 edition, pp. 283–294. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003008873>. (In English).

21 Hanan A.-S., El-Maghrabi M., Osorio R. (2018) Sustainable Development Goal Diagnostics: The Case of the Arab Republic of Egypt // World Bank Working Paper, pp. 5–8. (In English).

22 Browne K., Dzebo A., Iacobuta G., Onbargi A.F., Shawoo Z., Dombrowsky I., Fridahl M., Gottenhuber S., Persson Å. (2023) How does policy coherence shape effectiveness and inequality // Implications for sustainable development and the 2030 Agenda: Sustainable Development, no. 31(5), pp. 3161–3174. URL: <https://doi.org/10.1002/sd.2598>. (In English).

23 Wang Y., Wang M., Huang B., Li S., Lin Y. (2021) Evaluation and Analysis of Poverty-Stricken Counties under the Framework of the UN Sustainable Development Goals: A Case Study of Hunan Province, China // Remote Sensing, no. 13(23), pp. 1–23. URL: <https://doi.org/10.3390/rs13234778>. (In English).

24 Savrukov A.N., Savrukov N.T. (2017) Metodicheskij podhod i kriterii ocenki jeffektivnosti gosudarstvennogo upravlenija v regionah // Finansy i kredit. No. 7(23). P. 388–402. (In Russian).

25 Antonova M.A. (2013) Teoretiko-metodologicheskie osnovy izuchenija ustojchivogo razvitiya regionov // Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. No. 4(36). P. 113–119. (In Russian).

26 Tjurenkova E.N. (2014) Pasport regiona kak odin iz metodov analiza problem regional'nogo razvitiya // Strategija ustojchivogo razvitiya regionov Rossii. No. 22. P. 37–40. (In Russian).

27 Bobylev S.N. (2011) Ustojchivoe razvitie: metodologija i metodiki izmerenija. Ucheb. posobie / S.N. Bobylev, N.V. Zubarevich, S.V. Solov'eva, Ju.S. Vlasov. M.: Jekonomika, P. 339–346. (In Russian).

28 Turgel I.D., Panzabekova A.Zh., Symaniuk N.V. (2019) Development of regulatory impact institute under digitization process: experience of Russia and Kazakhstan // Bulletin of the National academy of sciences of Republic of Kazakhstan, no. 5(381), pp. 97–104. (In Russian).

29 Dobrovol'nyj nacional'nyj obzor o realizacii Povestki dnja do 2030 goda v oblasti ustojchivogo razvitija. Kazahstan. 2022. P. 21–39. URL: https://economy.kz/documents/OECD/END_Report_DNO_06-2022_small.pdf. (In Russian).

30 Otchet o rezul'tatah parallel'nogo jekspertno-analiticheskogo meroprijatija «Analiz dostizhenija sub#ektami Rossijskoj Federacii pokazatelej celej ustojchivogo razvitija pri realizacii dokumentov strategicheskogo planirovanija v period s 2020 goda po istekshij period 2022 goda». P. 31–58. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/4db/1fj6wt5pivqmbx6cc2vq2rayu2mbq713.pdf>. (In Russian).

31 ESG-rjenking regionov i gorodov Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza. P. 1–20. URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2023/06/esg-rank_a5.pdf. (In Russian).

Л.Л. БОЖКО,*¹

Э.Ф.К., доцент

*e-mail bogkoll@rii.kz

ORCID ID: 0000-0002-5368-1482

Г.Ж. СЕЙТХАМЗИНА,²

Э.Ф.К., профессор.

e-mail: gau17erj@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1619-5212

С.С. ДЖУНУСОВА,¹

Г.Ф.М., оқытушы.

e-mail: sabira2992@gmail.com

ORCID ID: 0009-0002-1981-6942

Д. ЧЕЛЕТТИ,³

PhD, профессор.

e-mail: david.celetti@unipd.it

ORCID ID: 0000-0003-0730-3875

¹Рудный индустриялық университеті,

Рудный қ., Қазақстан

²Алматы гуманитарлық-экономикалық университеті

Алматы қ., Қазақстан

³Падуя университеті,

Падуя қ., Италия

АЙМАҚТЫҚ ДЕҢГЕЙДЕ ТДМ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ: ҚАЗАҚСТАН МЕН РЕСЕЙ ТӘЖІРИБЕСІ

Андатпа

2015 ж. 25 қыркүйекте БҰҰ Бас Ассамблеясында аясында қабылданған тұрақты даму мақсаттары дамушы және дамыған елдердің алдында тұрған мәселелердің кең ауқымын қамтиды. Сондықтан посткеңестік екі елде – Қазақстан мен Ресейде ТДМ-ны аймақтық деңгейде жүзеге асырудың ұлттық тәсілдерін сәйкестендіру және жалпылау ерекше маңызға ие, олар айтарлықтай мемлекеттік сектордың болуымен, экономиканы реттеудің тікелей әкімшілік әдістерін белсенді қолданумен сипатталады. Зерттеудің мақсаты – аймақтар деңгейінде ТДМ жүзеге асыруда қолданылатын тәсілдерге салыстырмалы талдау жасау. Зерттеу барысында ұлттық және өңірлік деңгейлерде ТДМ енгізу үдерістеріне мемлекеттің қатысуын сипаттайтын критерийлер ұсынылды, жалпымемлекеттік саясат шеңберінде ТДМ институттандыру тәсілдерін салыстырып, орталық үкіметтер мен өңірлік билік органдары қызметінің мазмұндық басымдықтары сараланды, өңірлер деңгейінде ТДМ оқшаулау және имплементациялау ерекшелігі анықталды. Нәтижесінде қолданылатын ресми институциялық тәжірибелер мен құрылымдар, ТДМ локализациялау және имплементациялау үшін басымдықтарды таңдауда, жалпыұлттық және өңірлік деңгейлерде қабылданатын басқару шешімдерін ресурстық қамтамасыз ету мүмкіндіктерінде айырмашылықтар анықталды. Зерттелетін елдер аймақтық деңгейде ТДМ-ын оқшаулау және енгізу үрдісінің бастапқы кезеңінде болғандықтан, авторлардың тұжырымдары осы бағытта жүргізіліп жатқан ғылыми жұмыстың тиімділігін арттыру үшін пайдалы болуы мүмкін.

Тірек сөздер: тұрақты даму мақсаттары, жүзеге асыру, жалпыұлттық деңгей, оқшаулау, аймақтық деңгей, институционализация, басқару.

L.L. BOZHKO,*¹

c.e.s., associate professor.

*e-mail bogkoll@rii.kz

ORCID ID: 0000-0002-5368-1482

G.ZH. SEITKHAMZINA,²

c.e.s., professor.

e-mail: gau17erj@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1619-5212

S.S. JUNUSSOVA,¹

m.h.s., teacher.

e-mail: sabira2992@gmail.com

ORCID ID: 0009-0002-1981-6942

D. CELETTI,³

PhD, professor.

e-mail: david.celetti@unipd.it

ORCID ID: 0000-0003-0730-3875

¹Rudny Industrial University

Rudny, Kazakhstan

²Almaty Humanitarian
and Economic University,

Almaty, Kazakhstan

³University of Padua,

Padua, Italy

SDG IMPLEMENTATION AT THE REGIONAL LEVEL: EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN AND RUSSIA

Abstract

The Sustainable Development Goals, adopted at the UN General Assembly on 25 September 2015 under Resolution 70/1 cover a wide range of challenges faced by both developing and developed countries. Therefore, identification and generalisation of national approaches to SDG implementation at the regional level in two post-Soviet countries - Kazakhstan and Russia, which are characterised by the presence of a significant public sector and the active use of direct administrative methods of economic regulation, is of particular importance. The aim of the research is to conduct a comparative analysis of the used approaches to SDG implementation at the regional level. In the course of the research, criteria for characterising state participation in the processes of SDG implementation at the national and regional levels were proposed, approaches to SDG institutionalisation within the framework of national policy were compared, substantive priorities of central governments and regional authorities were compared, and specifics of SDG localisation and implementation at the regional level were revealed. As a result, differences in the formal institutional practices and structures used, the choice of priority SDGs for localisation and implementation, and the possibilities of resource support for managerial decisions made at the national and regional levels were revealed. Since the countries under study are at the initial stage of the process of localisation and implementation of the SDGs at the regional level, the conclusions obtained by the authors may be useful for improving the effectiveness of the work in this direction.

Key words: Sustainable Development Goals, implementation, national level, localisation, regional level, institutionalisation, governance.